

всюду называет его архиепископом)⁸. Очевидно, киевский митрополит-грек не был активным сторонником Ярослава. Его посольство в Новгород не дает, правда, оснований считать его и прямым изменником, подобно Анастасу, настоятелю Десятинной церкви⁹. Он не оказался ни в числе преданных Ярославу бояр, вывезенных Болеславом в Польшу¹⁰, ни в числе тех, кто, подобно Анастасу, добровольно перешел на службу к польскому князю. И тем не менее выбор его в качестве посла польского владыки не был, по-видимому, случаен. Тот же Титмар Мерзебургский, описывая вступление Болеслава и Святополка в Киев, отмечает торжественную встречу их киевским митрополитом в монастыре св. Софии, пострадавшем от пожара в предыдущем (1017) году¹¹.

И встреча в св. Софии, и посольство в Новгород, так или иначе связанное с планами политического раздробления Древнерусского государства, не были, конечно, дружественным Ярославу актами со стороны киевского митрополита и доверенного агента Константинополя. Они свидетельствовали об особой позиции, занятой в событиях 1018 г. главой киевского духовенства. Она, очевидно, была более благоприятной Святополку и соответствовала планам Болеслава. А если к этому прибавить еще посольство Болеслава ко двору Василия II, то причин для недовольства Ярослава митрополитом-греком в Киеве окажется более чем достаточно. Измена Анастаса могла только подчеркивать в его глазах опасность позиции митрополита. Из сказанного нет оснований, конечно, приходить к выводу о целенаправленной политике Византии, делающей ставку на развитие феодальной раздробленности на Руси, тем более что в этом вопросе интересы империи и ее представителя в Киеве не всегда должны были совпадать. Зато события 1018 г. определенно свидетельствуют о том, что с самого начала для Ярослава русско-византийские отношения были очень серьезно омрачены. Именно Ярослав мог думать в согласии с летописцем, что «суть бо греци лстивы». А это ведь отбрасывает и определенный отблеск на события 1043 г. Быть может, открытый конфликт с Византией и не был столь неожиданным для киевского князя.

Возвращаясь к интересному труду В. Т. Пашуто, хотелось бы отметить его одно очень важное наблюдение: церковный раскол 1054 г. вплоть до начала XIII в. существенно не отразился на внешнеполитических связях Древней Руси (стр. 83, 187 и др.), хотя, разумеется, он не мог и благоприятствовать им, затрудняя и нарушая давнее культурное общение Руси с ее западными соседями. Заслуживают внимания и наблюдения автора относительно возможных планов создания особого патриаршества на Руси в конце XII в. (стр. 201).

Впрочем, выделяя интересные и часто новые наблюдения автора, можно было бы еще много страниц посвятить исследованию В. Т. Пашуто. Оно заслуживает самого детального разбора и в той части, которая посвящена истории русско-византийских отношений. К такого рода разбору, конечно, вынужден будет обращаться каждый историк, ставящий своей целью изучение внешнеполитических связей Руси домонгольской эпохи. Именно на это и хотелось бы нам обратить внимание читателя. Книга В. Т. Пашуто, несмотря на все недостатки своей конструкции, является основополагающим трудом для исследования внешней политики Руси X—XIII вв.

В. Д. Королюк.

ДИМИТЪР АНГЕЛОВ. БОГОМИЛСТВОТО В БЪЛГАРИЯ.

София, изд-во «Наука и изкуство», 1969, 561 стр.

Как массовое социально-религиозное движение, возникшее в средневековой Болгарии¹, потрясшее основы ее феодального строя и оказавшее благотворное воздействие на еретические традиции европейских народов, богомилство давно привлекало внимание ученых. Им интересовались историки Ватикана², православной церкви³, протестантизма⁴. Все они, руководствуясь различными соображениями, по-разному

⁸ «Kronika Thietmara». Poznań, 1953, L. VIII, cap. 33.

⁹ ПСРЛ, т. I, стб. 143—144.

¹⁰ Там же.

¹¹ «Archiepiscopus civitatis illius cum reliquiis sanctorum et ceteris ornatibus diversis hos advenientes honoravit in sancto monasterio Sophiae, quod in priori anno miserabiliter casu accidente combustum est». — «Kronika Thietmara», L. VIII, cap. 32.

¹ По этому вопросу см.: В. Левицкий. Богомилство — болгарская ересь, X—XIV вв. — «Христианское учение», 1870; Fr. Rački. Borba južnih slovena za državnu neodvisnost. Bogomili, pataren. Beograd, 1931, p. 337; ср.: Г. Острогорски. Историја Византије. Београд, 1959, стр. 53; ср.: Сима Чирковић. Историја Босне. Београд, 1964, стр. 53.

² Lexikon für Theologie und Kirche, Bd. 2. Freiburg, 1958, S. 557—558.

³ Е. Голубинский. Краткий очерк истории православных церквей болгарской, сербской и румынской, или молдо-валахской. М., 1871, стр. 154—165; ср.: Д. Цухлев. История на българската църква, т. I. София, 1910, стр. 657—756.

⁴ Centuriae Magdeburgenses, t. XI, cap. V, p. 247; C. J. Wolf. Historia Bogomilorum. Wittenberg, 1712; J. L. Oeder. Dissertatio inauguralis prodromus historiae Bogomilorum criticae exhibens. Gottingae, 1734.

оценивали эту мощную еретическую систему. Апологеты православной церкви, не будучи в состоянии раскрыть его социальную сущность, рассматривали богомилство как отрицательное явление. Так же оценивали богомилство и историки папства, которые видели в нем главное образование, если не единственно, религиозное учение, направленное против католической церкви. Протестантские авторы стремились увидеть в нем одного из предшественников Реформации, однако они не были в состоянии объяснить ни причины возникновения богомилства, ни сущность его социально-религиозной доктрины.

Исследования старых буржуазных авторов, хотя и ценные в фактологическом отношении, не могли с научной последовательностью объяснить вопросы, связанные с историей богомилства. Исторической науке еще предстоит объяснить ряд первостепенных по значению проблем, таких, как проблема происхождения богомилского движения, вопрос о его родине, все еще являющийся предметом споров⁵, проблемы социальной сущности богомилства, его исторической роли, влияния на еретические движения в других европейских странах и пр. Над разрешением всех этих вопросов уже около тридцати лет работает профессор-византист философско-исторического факультета Софийского университета «Климент Охридский» Д. Ангелов⁶. Еще в 1942 г. он опубликовал в «Известиях семинаров Историко-филологического факультета» (стр. 145—180) свой первый очерк по этому вопросу — «Влияние иноземных ересей на богомилство». В следующем, 1943 г. он защитил докторскую диссертацию о богомилстве, которая позднее вышла на немецком языке⁷. В 1947 г. он издал книгу «Богомилство в Болгарии», которая была напечатана в русском переводе в Москве в 1954 г. Продолжая исследования в этой области, проф. Ангелов опубликовал в 1961 г. новое издание этой книги, расширив ее и углубив. Она была хорошо встречена и получила высокую оценку⁸. Недавно, значительно расширенный и основательно переработанный, этот труд вышел в новом издании. Как отмечает в предисловии сам автор, рецензируемое монографическое исследование коренным образом отличается от первого издания, которое носило научно-популярный характер, а также от второго, которое имело сравнительно более ограниченный объем. Не случайно труд Д. Ангелова уже получил высокую оценку со стороны научной критики. «Нет сомнения, — пишет проф. К. Куев, — что труд проф. Ангелова «Богомилство в Болгарии» в настоящее время является самым серьезным и солидным исследованием по вопросам богомилства»⁹.

Монография представляет полное и обстоятельное исследование о зарождении, развитии и особенностях богомилства, начиная с его возникновения в середине X в. и до конца XIV в. Она состоит из семи глав, снабженных краткой вступительной заметкой, заключением и библиографией использованной литературы. Книга имеет также алфавитный указатель.

Первая глава носит историографический характер. Здесь даются обзор и оценка литературы, а также использованных в ней источников. Кратко охарактеризовав богомилство как одно из самых значительных еретических движений средневековья, проф. Ангелов делает обзор исследований о богомилстве, начиная с работ, относящихся к началу XVIII в., и кончая исследованиями наших дней. Он подчеркивает, что раньше всего интерес к этому учению возник во Франции, Италии и Германии, так как оно было родственно распространившейся там в XII—XIII вв. ереси катаров и альбигойцев. Затем автор показывает вклад русской, хорватской, болгарской и других историографий в изучение богомилства.

Завершая историографический обзор, Д. Ангелов делает вывод, что, несмотря на большое число исследований о богомилстве, все еще отсутствует полное и целостное исследование его истории, не рассмотрены социально-экономические условия в Болгарии в X—XIV вв., когда возникло и распространилось богомилство, не изучены философско-религиозные взгляды еретиков, их критика церковных обрядов и символов, не выяснен вопрос об эволюции богомилства и т. п. Все это показывает необходимость появления рецензируемого труда, который должен заполнить пробел, существующий в исторической литературе.

Обрисовав состояние вопроса о богомилстве в научной литературе, автор во второй главе своего труда останавливается на источниках, которые в той или иной степени отражают историю ереси. Оценивая разнообразные и противоречивые источники о богомилстве, он разделяет их на две основные группы. В одну группу входят источники, написанные последователями богомилства, а в другую — его противниками и

⁵ Так, есть авторы, которые возражают против того, что Болгария была родиной богомилства. См., например: «История народа Югославии», т. I. Београд, 1953, стр. 273.

⁶ О проф. Д. Ангелове см.: «Советская историческая энциклопедия», т. I. М., 1961, стр. 491; ср.: «Кратка българска енциклопедия», т. I. София, 1963, стр. 79.

⁷ D. Angelov. Der Bogomilismus auf dem Gebiete des byzantinischen Reiches. Ursprung, Wesen und-Geschichte. — «Годишник на Историко-филологическия факултет», XLIV, 1947/48, стр. 1—60; XLVI, 1949/50, стр. 1—45.

⁸ См.: П. Тичева. — «Известия на Института за история», т. 12, 1961, стр. 219—227.

⁹ К. Куев. Богомилството в България. — «Народна култура», № 52 (675), 27.XII 1969.

гонителями, связанными с официальной церковью. Каждый из этих видов источников обладает определенной спецификой, известным своеобразием, которое в конечном счете обуславливается классовой принадлежностью его автора, его положением в феодальном обществе. Необходимо отметить, что здесь даются не только общие сведения о каждом источнике, но указывается богатая библиография, сообщаются ценные историографические справки о различных изданиях отдельных документов и пр. Особенно большой интерес вызывают страницы, посвященные апокрифам, в которых содержатся дуалистические взгляды. Поднимается недостаточно изученный в литературе вопрос о влиянии богомилства на культурные традиции болгарского народа, и в частности на народные сказки и предания.

В третьей главе книги — «Происхождение богомилства» — выясняется целый комплекс тех факторов и предпосылок, которые обусловили появление этого мощного антифеодального и антицерковного движения. В противовес некоторым историкам автор доказывает, что богомилство возникло в Болгарии в царствование царя Петра (927—969). На основе богатого фактического материала Д. Ангелов показывает, что зарождение этого еретического движения находилось в тесной связи с развитием феодальных отношений в Болгарии, с углублением и обострением классового антагонизма в обществе, с усилением эксплуатации сельского населения, а также с его непрерывным обеднением. Возникновение оппозиционных еретических настроений отражало и недовольство населения социальной функцией церкви как идейного защитника феодально-крепостнических отношений, как «наивысшего обобщения и санкции существующего феодального строя». Фактором, который облегчил формирование антицерковных взглядов, явились языческие верования, широко распространенные и после крещения болгар в 865 г. Благоприятное влияние на зарождение и распространение богомилства оказали также сохранившиеся в Болгарии старые еретические традиции павликиан и массалиан. Однако автор правильно отмечает, что, хотя богомилство и восприняло некоторые формы и символы этих еретических систем, оно представляло по существу новую, самобытную болгарскую еретическую систему, которая занимает особое место в истории антицерковных движений в средневековой Европе.

Четвертая глава — «Появление богомилства в Болгарии. Поп Богомил» — воссоздает картину появления богомилства. Д. Ангелов отмечает, что при существовавшей социально-экономической обстановке условия для возникновения массового антифеодального и антицерковного учения оказались полностью созревшими. Из сделанного автором обзора становится ясно, что первые достоверные сведения о богомилстве имеются в письме константинопольского патриарха Феофилакта болгарскому царю Петру, содержащем напутствие к борьбе против еретиков, проповедующих в Болгарии.

Далее проф. Ангелов высказывает свое отношение к оспариваемому некоторыми авторами, например В. Киселковым, вопросу о существовании попа Богомила. Отвергая, как явно несостоятельные, попытки отрицать историческое существование основателя богомилства, автор, исходя из убедительных свидетельств болгарских, греческих и русских источников, доказывает, что поп Богомил действительно жил и проповедовал свое учение в царствование Петра, был связан с низшим клиром, с рядовыми священниками, чье имущественное состояние не отличалось существенно от состояния низших и средних слоев населения. «Живя среди народа и хорошо зная его страдания и надежды, — отмечает проф. Ангелов, — поп Богомил отразил их в своих проповедях и писаниях, придал им целостный развернутый и завершенный вид, другими словами — превратил их в стройное, систематизированное учение, в ересь, которая боролась против господствовавшей церковно-феодальной идеологии. В этом состоит основная его заслуга, историческое значение его деятельности» (стр. 146). Так поп Богомил и его деятельность находят полное научное освещение.

В самостоятельном параграфе этой главы рассматриваются центры богомилского учения. Несомненно, вопрос о месте возникновения богомилского учения очень труден. Автор считает, что известное указание в беседе Косьмы на то, что поп Богомил начал проповедовать «в болгарской земле», является слишком общим и может быть отнесено к различным областям болгарского государства, которое в X в., как известно, охватывало большую территорию, включая и Македонию. Он обоснованно полагает, что одним из главных центров, в которых поп Богомил проповедовал со своими учениками, были юго-западные болгарские земли. Аргументы в пользу этого проф. Ангелов находит в заключительном отрывке пространного жития Климента Охридского, составленного византийским архиепископом Феофилактом. Согласно житию, после смерти Климента Охридского среди его паствы распространилась некая алая ересь. Автор жития обращается к святому с просьбой изгнать ересь и таким образом спасти свою паству. В поддержку высказанной точки зрения приводится также надпись на одной старинной иконе, в которой содержится легендарное известие об участии сподвижника Климента Наума в борьбе против еретиков.

В подтверждение своего вывода о юго-западных болгарских землях как одном из центров богомилства автор привлекает и важный факт широкого распространения здесь богомилства в последующие столетия. Чтобы доказать силу еретических традиций в этой области, он приводит сохранившиеся по сей день топонимические названия сел: Торбачи, Богомила, Кутугерци, Богослов, Богословец, Иеремия и др., долины Богомилско поле и т. д.

В то же время проф. Ангелов отмечает, что помимо юго-западных болгарских земель богомилство проникло и на остальные болгарские территории. Это заключение он делает на основании анализа беседы пресвитера Косьмы, автор которой, вероятно, жил и действовал в Северо-Восточной Болгарии и служил в ее столице Преславе. Хорошее знание Косьмой ереси дает основание считать, что богомилство уже было распространено в окрестностях Преславы, а вероятно, и во всей Северо-Западной Болгарии. Если бы это было не так, царь Петр не обращался бы два раза к константинопольскому патриарху Феофилакту за советом о борьбе с еретиками.

Автор аргументированно показывает, что имелись и другие богомилские центры помимо Македонии, как, например, Фракия с центром в Пловдиве.

В книге затронут еще один важный вопрос, который также недостаточно исследован в исторической литературе, — вопрос о названии еретиков. Убедителен вывод о том, что название «богомилы» было дано по двум основным причинам: во-первых, потому, что Богомил считался родоначальником ереси, и, во-вторых, потому, что сами еретики были убеждены, будто они наиболее близки и «милы богу» (стр. 153). По мере распространения богомилства это название постепенно утвердилось и вошло в историю.

Глубоко и тщательно исследуется социальный состав богомилов. Исходя из данных источников, автор разделяет богомилов на две основные группы. Одна группа охватывала ту часть последователей попа Богомила, которая хорошо знала учение и активно его распространяла и защищала, а другая — только единомышленников ереси, которые не занимались проповеднической деятельностью. Большое научное значение имеет определение того, что основная масса приверженцев богомилского учения происходила из среды сельского населения. Этот вывод автор делает на основе одного текста из Беседы пресвитера Косьмы, который гласит, что богомилские проповедники старались распространять свои взгляды там, «где видят человека простого и неученого». А поскольку в то время невежество и незнание были распространены прежде всего среди сельского населения, не может быть сомнения — по справедливому заключению автора, — что большинство богомилов были жителями деревни. Кроме крестьян богомилство находило последователей и среди недовольного городского плебса. Оно привлекало и рабов, как это видно из беседы Косьмы, но из-за своей малочисленности они не могли стать социальной опорой ереси.

В конце этой главы проф. Ангелов останавливается на различных средствах, которые служили господствующему феодальному классу в его стремлении уничтожить богомилство. Из письма патриарха Феофилакта царю Петру, подробно проанализированному в монографии, видно, что по отношению к богомилам, которые оставались твердыми и непреклонными в своих взглядах, были приняты суровые меры: их предавали анафеме, приговаривали к смертной казни и т. д. Подвергались преследованиям и те лица, которые читали апокрифические произведения. Как правильно подчеркивает автор, это вынуждало еретиков скрываться, лавировать, чтобы уберечься от жестоких преследований феодального класса.

Пятая глава труда проф. Ангелова посвящена исследованию сущности богомилства, его учению и взглядам. Он рассматривает эволюцию, которую претерпело богомилство за время своего почти четырехвекового существования. Причину эволюции автор видит в изменении социально-экономических условий. Подробно и глубоко проанализировано дуалистическо-гностическое мировоззрение богомилов, являвшееся формой отрицания феодально-крепостнических отношений. Прослежена космология ереси, отражавшая недовольство сельского населения установлением феодального строя. Это относится и к эсхатологическим концепциям еретиков, которые вступали в противоречие с догмами православной церкви, а также ко всей религиозно-философской доктрине богомилов.

В специальном разделе автор останавливается на критике богомилами церкви и церковных обрядов, а также церковных соборов. Рассмотрено отношение еретиков к ветхо- и новозаветной литературе. Внимательно исследованы основные антиклерикальные тенденции, проводившиеся в проповедях богомилов. На основании данных источников выяснено отношение еретиков к крещению, причастию и исповеди, к почитанию креста, икон и мощей святых. В противоположность ортодоксальному христианству, они отрицательно относились к некоторым таинствам. Уделено место и некоторым антицерковным взглядам еретиков, таким, как отрицание веры в воскресение мертвых, чудеса и праздники. Автор не прошел также мимо анализа и соответствующей оценки социально-бытовых и этических взглядов богомилов. Изучены аргументы, на основании которых они отрицали феодальную власть и феодальное государство, богатство и богатей, употребление вина и мяса, ношение роскошной одежды. В этой связи прослежена точка зрения богомилов на убийства и войны, на брак и женщин.

Следующая, шестая, глава посвящена изучению организации богомилов. Здесь прежде всего дается строго научное разграничение еретиков на две основные группировки, проведенное в результате длительного изучения источников. Напомнив, что необходимо делать различие между ортодоксальными теоретиками богомилов, с одной стороны, и большим числом их последователей — с другой, Д. Ангелов подробно рассматривает два указанных основных течения этого мощного антифеодального и антицерковного движения. Необходимо отметить, что подобная работа проделана в таких масштабах впервые в научной литературе. Много интересных мыслей высказано автором о богомилских общинах, хотя сведения источников о них чрезвычайно скудны.

Проф. Ангелов подчеркивает, что, согласно сведениям источников XI—XII вв., в Болгарии существовала четко построенная богомильская организация, которая объединяла несколько общин. Основываясь на сведениях, которые содержатся у Ринара Сакони, а также в некоторых других источниках, автор подробно останавливается на богомильских общинах, известных под именем Болгария, Драговития, Мелиниква, Средечка. Как видно из приведенных в книге данных, все эти общины объединяли большее или меньшее число последователей и играли весьма важную роль в истории антицерковной борьбы в средневековой Болгарии. Богомильские общины были организованы по примеру первоначальных христианских общин, сведения о которых известны из Деяний апостолов. Автор допускает также, что на богомильскую организацию, возможно, могли оказать влияние и павликианские общины, которые функционировали в болгарских землях в период между X и XII вв. Согласно заключению проф. Ангелова, в богомильских религиозных общинах господствовал дух равенства и демократизма, что находилось в соответствии с принципами раннего христианства. За исключением старейшины и его помощников, которые играли руководящую роль, все «совершенные» считались равными между собой и выполняли свои обязанности на общих основаниях.

Последняя, седьмая, глава монографии посвящена истории богомильского движения. В ней прослежено развитие ереси в период между 969 и 1018 гг. Здесь прежде всего подчеркивается, что богомилство, которое получило широкое распространение, представляло серьезную опасность для феодальной власти — светской и духовной. Не случайно оно было подвергнуто жестоким и безжалостным преследованиям. Затем автор переходит к вопросу о воздействии богомилства на развитие еретического движения в Византийской империи, России, Сербии, Боснии, Италии и Франции. Далее освещается история богомилства во Втором болгарском царстве до середины XIII в. Сделан прекрасный обзор истории движения катаров в Западной Европе в первой половине XIII в. и его связей с богомилством. Глубоко изучено богомилство XIV в. и его исчезновение. В конце главы показаны последние проявления богомилства накануне турецкого владычества.

В заключении книги проф. Ангелов обобщает огромный фактологический материал, который он привлек, обобщил и проанализировал в своем исследовании. Он особо подчеркивает, что богомилство было одним из самых значительных явлений истории болгарского народа в средние века. Это был религиозный по форме, но социальный по содержанию протест против феодального строя. Как ересь, это было отклонение от официальной православной догмы, от установок, которые проповедовало духовенство. Одновременно автор подчеркивает международное значение болгарского богомилства, подготовившего сознание европейских народов для борьбы против католической церкви. «В этом смысле, — пишет проф. Ангелов, — богомилство сыграло весьма существенную для своего времени историческую роль. Оно сделало значительный, общеевропейский по своему характеру и масштабу, вклад, которым болгарский народ по праву может гордиться» (стр. 531).

Как видно из нашего краткого обзора, рецензируемая работа представляет собой солидный исследовательский труд, весьма своевременный и ценный вклад не только в болгарскую, но и в общеевропейскую средневековедческую науку. Это не только монографическое исследование истории богомилства в Болгарии, имеющее значение лишь для болгарской национальной истории. Книга является также исследованием международного значения богомилства, его отражения в западноевропейских феодальных странах, в силу чего она представляет интерес для всех специалистов по истории западноевропейского феодализма. Книга проф. Ангелова проливает яркий свет на вопрос влияния болгарского богомилства на еретические традиции в Византийской империи, России, Румынии, Боснии, Сербии, Италии и Франции.

Представляя серьезный оригинальный вклад в общую европейскую историографию, труд проф. Ангелова является и первостепенным по своему значению явлением в болгарской историографии, посвященной проблеме классовой борьбы в средневековой Болгарии. В книге воссоздаются яркие страницы борьбы болгарского народа против феодальной эксплуатации, освященной православной церковью. Работа освещает богатую и сложную историю самого мощного антицерковного движения в средневековой Болгарии — богомилства. Труд заполняет существенный пробел в изучении этого движения. Нельзя не отметить, что автору работы принадлежит заслуга в исследовании причин возникновения богомилства. Следует также сказать, что проф. Ангелов впервые изучил и исследовал идеологию богомилства, и прежде всего его роль как религиозного по форме и социального по содержанию протеста против феодального строя. Нигде в исторической литературе антицерковная сущность богомилства не выяснена так глубоко и аргументированно, как в рецензируемом труде.

Одним из важнейших научных достоинств монографии проф. Ангелова является его богатая фактологическая аргументация. В книге собран, систематизирован и обобщен богатый материал источников, который автор изучал на протяжении многих лет. При написании своей книги автор использовал различные староболгарские, латинские, греческие, старофранцузские и другие источники, опубликованные в различных изданиях, в большей своей части малодоступных. В научный оборот введено много новых фактов, которые расширяют и углубляют наши представления о богомилстве.

Автор использовал значительную литературу, написанную на различных языках — английском, итальянском, немецком, французском, русском, сербском, хорват-

ском и др. Монография снабжена богатым и точным научным аппаратом, которым проф. Ангелов подкрепляет свои концепции. Это свидетельствует о проделанной автором большой работе, его солидных знаниях, богатой эрудиции.

Выявляя развитие и роль богомилства, проф. Ангелов использует также материалы литературного характера, данные фольклора и пр. Умело сочетая методы работы историка с методами исследования филолога и этнографа, он всесторонне освещает сложную и многообразную историю богомилства. В этом заключается другое важное достоинство его труда.

В монографии «Богомилство в Болгарии» проявились большие научно-исследовательские возможности автора, его умение проанализировать и обобщить огромный фактический материал.

Нельзя не отметить также, что монография хорошо оформлена в структурном отношении. Стиль отличается своим разнообразием и богатством, а язык — своей точностью и тщательностью. Труд читается с увлечением. Следует отметить и великолепное подграфическое оформление книги. Это роскошное иллюстрированное издание, весьма импонирующее читателю своим внешним видом.

Как в любое крупное исследование, рассматривающее сложный комплекс научных проблем, в обширный труд проф. Ангелова могут быть внесены известные дополнения. Следует исправить указание автора на то, что первые специальные работы о богомилстве появились в XVIII в. (стр. 11). Богомилство вызвало интерес историков еще в XVI в. Так, еще организатор Магдебургских центурий Матфей Флаций Иллирик (1520—1575) проявлял большой интерес к богомилской ереси. Чтобы изучить историю богомилства, которая была ему необходима для написания центурий, он послал своих людей работать в библиотеках Болгарии¹⁰. Сам Флаций внимательно изучал историю богомилства, интересовался подвигом богила Василия, сожженного на костре в Константинополе¹¹. Интересно напомнить, что в связи с противоречиями, возникшими между ним и Лютером и Меланхтоном, Флаций был объявлен протестантами еретиком и манихейско-богомилским сектантом¹².

В труде не уделено должного внимания отражению богомилства в Далмации. Хотя в некоторых местах приводятся высказывания средневековых хронистов, из которых видно, что богомилство проникло в Далмацию (стр. 344 и др.), можно было бы привлечь больше сведений о борьбе еретиков в Дубровнике, Сплите и Задаре; в некоторых из упомянутых городов действовали ересиархи Матвей и Аристодий¹³, о которых принято думать, что они подвизались в Боснии. А влияние богомилства в Боснии, как это показал проф. Ангелов, несомненно.

При дальнейшем изучении источников и литературы могут обнаружиться некоторые факты отражения богомилства в Чехии. Известно, что в 1452 г. через Болгарию по пути в Константинополь проезжал Константин Ангелик, который должен был вести переговоры с константинопольским патриархом о сближении чешской и восточной церквей¹⁴. Из путевых заметок «Путешествие Мартина Кабатника из Чехии в Иерусалим и Каир в 1491—1492 гг.» видно, что Мартин Коковец, Кошпар Марек и брат Лукаш, получив материальную поддержку от управляющего королевским монетным двором Бохуша Костка из Поступиц, отправились в путешествие с целью узнать, «есть ли еще какой-нибудь народ на свете, который живет согласно устройству и управлению первоначальной святой церкви, о которых рассказывает Священное писание»¹⁵. Отправляясь на Ближний Восток, трое путешественников проходили через Болгарию. После того как они покинули ее пределы, брат Лукаш, очевидно из Константинополя, снова вернулся в Болгарию, заинтересованный, видимо, историей богомилского движения, и пробыл здесь продолжительное время¹⁶.

В заключение следует еще раз сказать, что книга проф. Ангелова «Богомилство в Болгарии» представляет собой серьезное, глубокое научное исследование. Это труд одного из самых видных европейских специалистов по вопросу о богомилстве. В нем отражены и обобщены многолетние исследования автора в этой области. Труд представляет ценный и бесспорный вклад в историческую науку. Он интересен и для византистов, и для балканистов, и для специалистов по общей истории средних веков.

Йордан Николов

¹⁰ J. W. Schulte. Beiträge zur Entstehungsgeschichte der Magdeburger-Centurien. Neisse, 1877, S. 75, 80, 82, 83, 92.

¹¹ Centuriae Magdeburgenses, t. XI, cap. V, P. 247.

¹² Отношение Флация к Болгарии, как и изучение им богомилства, я подробно рассматриваю в моей еще не опубликованной статье «Европейская реформация в Болгарии».

¹³ D. Kniewald. Vjerodostojnost latinskih izvora o bosanskim krstjanima. — RAD, 270. Zagreb, 1949, str. 117 sl.

¹⁴ Martina Kabatnika. Cesha z Cecha do Jerusalima a Kaira 1491—1492 k., vyd. pripravil J. Prasek. 1894, str. 1; Z. Urban. Zdein cesko-bulharskyn kulturnich styki. Praha, 1957, str. 16.

¹⁵ Martina Kabatnika. Op. cit., str. 3; Z. Urban. Op. cit., str. 16.

¹⁶ Martina Kabatnika. Op. cit., str. 3.